



Сергей КОЛЧИГИН

Сергей Колчигин родился 20 ноября 1954 года в Алма-Ате. Учился на филологическом и философском факультетах КазГУ.

Доктор философских наук, профессор. Его научная биография тесно связана с казахстанской школой диалектической логики и Институтом философии, где Колчигин заведовал отделом онтологии и теории познания и возглавлял философский и общественно-гуманитарный журнал «Адам әлемі». Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Преподавал в Открытой литературной школе Алматы. В 1996–1997 гг. вел рубрику «Евразия» в журнале «Простор». Стихи, проза, публицистика и переводы Сергея Колчигина публиковались в казахстанских журналах «Простор» и «Книголюб», в российском литературном журнале «Москва».

СВЕТ ЯСНОСТИ СОШЁЛ НА НАШИ ЛИЦА

* * *

Мы сверстники.
Подвластные Стратигу,
Считая вёрсты,
Проливая кровь,
Мы свёрстаны
В одну
Земную книгу
Вселенского романа
Про любовь.

* * *

О Время-столяр! Грубыми руками
Ты сглаживаешь острые углы,
И мы садимся с бывшими врагами
За дружеские круглые столы.

* * *

Вновь на рассвете лучистые токи
По небосводу и морю текут,
Вновь облакам и прибою несут
Весть о живущем на юго-востоке.

И наступают желанные сроки,
Ближе и ближе зари торжество.
Вон появилась корона Того,
Кто обитает на юго-востоке.

И не спеша золотые потоки
В небе расширились, и через миг
Лик ослепительно яркий возник
Над океаном на юго-востоке.

Там заповедные наши истоки,
Там поселяются наши мечты.
В центре сияния и теплоты
Бог обитает на юго-востоке.

* * *

Иная – как волна весенней степи,
Струение цветочного потока;
Иная – горизонт юго-востока,
Слепящий отсвет дальней горной цепи.

Но ласковая, тёплая – иная,
Как нежная июльская прохлада

В вечерней тени млеющего сада,
Простая, безыскусная, земная.

Совсем не та – иная: хрупкий иней,
Обманчивость осеннего приюта,
Которая назначена кому-то
Как вечная незавершённая линий.

Но всех иных собою оттеняя,
Когда к зиме окно твоё откроет
И разом всколыхнёт и успокоит, –
То будет только та, а не иная.

* * *

Горы – это греческие хоры,
вечно воспевающие славу
Гее, Аполлону и Зевесу
и другим предписанным богам.

Горы – это греческие храмы,
где живут указанные боги,
властно долу обращая взор.
Так! И эти горы – сами боги,
что повелевают падать водам,
молниям – сверкать над головами
их вершин, в подобье неких нимбов...

Есть в горах наяды, ореады,
и к скале, как видно, всё прикован
Прометей: орёл там вечно кружит...
И, конечно, есть в горах Небесных
вечные античные герои,
что способны высоко подняться
и богов всеильных – пересилить...

* * *

Свет ясности сошёл на наши лица,
И тьмы полночной отодвинут фронт,
И рушится последняя граница,
Та, за которой – вечный горизонт,
Сияющий такую чистотой,
Что кажется: не выдержит душа
И вырвется, и с верою святою,
Как птица перелётная спеша
Туда, где расширяются просторы
Опаловой земли и синих гор,
Помчится дальше, дальше, через горы
В неведомое людям до сих пор.
Ну так лети! Не сдерживай порыва,

Не закрывай лицо твоё крылом:
Там, за горами, ждёт нетерпеливо
Тебя твой новый, истинный твой дом.
Да будет путь широк под небесами,
Да увлечёт он всех тебе вослед,
И ясными, весёлыми глазами
Они увидят будущего свет.
Пусть будет всё смотреться

в этом свете

Как чудо, как любовь и благодать,
И так прекрасны станут наши дети,
Как нам самим давно пора бы стать.

Энші

Она всё это помнит, как вчера:
С багровых гор, встающих на востоке,
Стекаются речистые потоки,
И, точно эхо, вторит им домбра...

И пела девушка родную сторону,
Где солнечно, где степи – золотые,
Волнами разнотравья залитые,
И ветер-певчий пробует струну.

А здесь – где с отчим домом рвётся
связь,

На сцене в виде юрты бутафорской,
На фоне гордой братии актёрской,
Где так легко лицом ударить в грязь,

Где публика вокруг звенит, как медь,
И солнце уклоняется на запад,
А в спину хищно дышит синтезатор, –
Достанет ли ей стойкости допеть?

* * *

Ночь, как чёрная кошка,
В страхе метнулась прочь:
Глянул в моё окошко
Свет, прогоняя ночь.

Заторопились снаружи
Зайчики на стекло,
И, словно не было стужи,
Стало внутри тепло.
Повеселела сторожка,
Стаял последний снег:
Выглянул из окошка
Внутренний человек.

Необходимость и свобода

Необходимо жить,
Когда житья не стало
От мелочных забот
И вечных неудач,
Когда, в сетях у лжи,
Мы говорим: «Как мало
Осталось нам годов!
И те несутся вскачь...»

Необходимо знать,
Что ты кому-то нужен,
Что ты необходим
Кому-то, будто брат;
От зла не убегать –
Но быть во всеоружье

Лучистого, как день,
Всесильного добра.
Но как узнаешь ты,
Что нужен ты как воздух? –
Осваивай азы:
Унынье подави,
Чекань, пиши холсты,
Твори – ещё не поздно!
И выучишь язык
Общенья и любви.
Тебе шепнут: «Неплох
Совет, да ведь не каждый...»
Не слушай! Ерунда!
Гори, работай в дым,
И станешь ты, как Бог,
И скажешь ты однажды:
«Свободен я тогда,
Когда необходим!»

Бабушка Шура – вахтёрша в фойе института.
Нынче вечером я ей кивну, как всегда, мимоходом
И позабуду о ней, поглощаемый кодом
Собственных мыслей.

Холодно. Зимняя ночь приближается неотвратимо.
Я ухожу вестибюлем, как водится, мимо
Опустелых зеркал... Я спускаюсь по лестнице к выходу...
Звук пианино?

Дверь в кинозал приоткрыта... Престранная сцена:
Женщина в валенках, в шали – играет Шопена.
И, в полумраке глаза мои щуря,
Вдруг узнаю: это наша вахтёрша, невидная, тихая бабушка Шура!

Зимняя ночь надвигается неотвратимо.
Я никуда не иду: не хочу уклониться от плена
Этой музыки.
Бабушка Шура – вахтёрша – играет Шопена...

